

Мария Некрасова

Следы в темноте

Часть сборника
Большая книга ужасов – 52
(сборник)

Мария Некрасова
Следы в темноте

«ЭКСМО»

2013

Некрасова М. Е.

Следы в темноте / М. Е. Некрасова — «Эксмо», 2013

Отдыхающий в детском лагере Васька и не подозревал, что предостережение взрослых не связываться с местными – не пустое. Ведь взрослые всегда так говорят: туда не ходи, с тем не дружи. Да Васька и не собирался ни с кем дружить. Он просто по ошибке разбил стекло в доме у живущей на отшибе старушки. И его жизнь резко изменилась. Уже на следующий день Васька оказался в больнице с приступом аппендицита, а когда очнулся от наркоза, обнаружил в своем рюкзаке странный сверток, внутри которого лежал глиняный человечек, утыканный булавками...

© Некрасова М. Е., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава I	6
Глава II	12
Глава III	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мария Некрасова

Следы в темноте

© Некрасова М., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I

В которой Влад бежит, а поезд «Сапсан» набирает скорость

Тучная тетка заслонила кабину водителя, и Влад не видел света фар на дороге. За окнами была такая темень, что казалось, автобус едет вслепую, по лесу там или под землей. Вот сейчас повернем и врежемся в толстенный вековой дуб, влетим в высоковольтный кабель или въедем по какому-нибудь секретному подземному тоннелю прямо в метро, да и прокопаем автобусной мордой новую ветку.

В салоне светло, за окнами – мрак. Кто-нибудь помоложе и поглупее наверняка навоображал бы в этой темноте всяких привидений, оборотней и ведьм, которые гонятся за автобусом со скоростью шестьдесят километров в час. Влад не воображал. Он видел. За окном, в салоне и просто так перед глазами он видел пожар и слышал горький смог даже в сладком парфюме соседа. Когда знаешь, чего бояться, перестаешь выдумывать всякие глупости.

Компания с гитарой была на весь автобус, Влад не вслушивался в слова, но мотивчик был какой-то похоронный. Тучная тетка заплатила за проезд, но отходить от кабины не собиралась, поболтать ей приспичило, что ли? Сосед Влада уснул над кроссвордом. Все были такие спокойные, что хотелось облить их холодной водой. Влад бежал, и ему казалось, что все вокруг должны бежать. От огня, от пожара, от того, кто его устроил и может устроить еще что покруче с молчаливого согласия едущих в автобусе. Всех.

Он чувствовал себя виноватым, хотя прекрасно знал, что ничего не сделает. Но мог бы хоть предупредить... Не-а. Его никто не слушал. Да он бы сам себя не послушал, он и не верил глазам своим, пока не случилось то, что случилось. Трус? Сам такой. Легко быть храбрым, когда ты не один и когда ты прав. Последнее, пожалуй, даже важнее. Когда ты прав – уже не один. С тобой Уголовный кодекс, инструкция пожарной безопасности, ну или где там та правда написана, хоть учебник какой. Про Владькину правду никакие учебники не писали. Да и была ли она, та правда? Сейчас в теплом автобусе по дороге домой уже кажется, что все приснилось. Бывают же такие сны, реалистичные, как будто и правда все было. И чаще всего кошмары. Такой это и был сон. И какая уж тут правда? И как тут можешь быть «не один»: массовые трансляции снов пока еще не изобрели? Вот и получается, что ты один со своей то ли правдой, то ли сном. Сейчас еще дома всплут за то, что из санатория убежал. Вот как им объяснишь почему?

Автобус въехал в город, и за окном включился свет: фонари, окна домов. Влад как-то сразу встрепенулся и стал думать о насущном. Что, в самом деле, сказать дома, а главное – в школе. Он и ехать-то не хотел в этот дурацкий санаторий, звучит несолидно, как будто ты больной или старикашка, кто еще по санаториям ездит?

Для ребят в школе пришлось выдумать спортивный лагерь. Не летний, не зимний, а так, когда родители наскребут на жутко дорогую путевку (только так, иначе какой дурак поедет в конце учебного года?).

Заодно добавил себе очков в глазах Коляна и Санька, они не первый год ездят по спортивным лагерям. Возвращаются и потом еще полгода показывают приемчики Владу с Толстым. Да такие это приемчики, хоть беги. Друзья, называется! Влад в этом дурацком санатории, конечно, тоже успел кое-чему научиться, но не так, чтобы рваться показывать. Особенно Саньку. К нему как не зайдешь, он либо гантели дергает, килограмм по шесть каждая, либо лупцует в коридоре старую грушу своего брата-морпеха. С таким другом сложно сохранять лицо, нет-нет да и уложит тебя на лопатки. С таким другом ты обречен быть вечно вторым. Даже третьим, есть же еще Колян. Ну и Толстый – номер четыре.

Когда на Толстого находит в очередной раз (обычно после Нового года и ближе к весне), он начинает бегать по утрам и отжиматься на время, болтается на турнике по полдня, в попытках подтянуться хоть разок. И все время зовет с собой Влада как равного. Как будто они оба толстые. Обидно ужасно, но Влад все равно бежит и подтягивается, потому что друг, да и лишним не будет.

Коля и Санек старательно подбадривают, но заниматься в компании не идут. Понимают, кто здесь номер один и два, а кто – три и четыре.

И кто при таком раскладе скажет друзьям, что поехал в санаторий? Вот и пришлось этот лагерь выдумывать. Классная в школе, конечно, знает, куда отправился Влад, ну да она не из тех, кто обсуждает с учениками хоть что-то, кроме уроков.

Теперь предстояло всем объяснить, почему Влад вернулся раньше, наплевав на дорожную путевку, олимпийские нагрузки и что он там еще наплел, уезжая. Скажешь: «Сбежал», – засмеют, подумают, что ты этих самых нагрузок не выдержал. Доказывай потом, восстанавливай репутацию, бабка и так пилит из-за каждого синяка. Травму себе выдумать, что ли? Тоже нехорошо: легко спалиться, забыть, например, на какую ногу вчера хромал, да и по-лузерски это как-то – травма. Надо что-то такое придумать: взрыв, теракт, пожар – тогда поверят.

Пожар... Влад мысленно сплюнул под ноги: над ним издевались его собственные фантазии. Хотя пожар – нормально, получится, что даже и не соврал.

«Скажу, что сгорел стадион, – решил он. – И родителям – тоже. Кто там разбираться будет и пепелище искать?! Да бабка от одного слова «пожар» в обморок упадет, и на расспросы ее уже не останется».

Почти довольный Влад полез в телефон: пока едем, надо разобрать фотки. Луков на стадионе и в спортзале он понаделал на два лета вперед, осталось подчистить палево. В кадр нет-нет да и влезал какой-нибудь дурацкий стенд на заднем плане: «Детский санаторий «Солнышко». Наши рисунки» – позорище.

Фотки с Еленой тоже пришлось удалить. Жаль, но ее выдавал бейджик с логотипом санатория. С Васечкой удалил штук двадцать: этот дурачок мало того, что везде ходил за Владом, так еще и просил всех подряд их сфотографировать. Влад убегал. Прятался в палате соседей, в туалете, в спортзале (вот откуда столько спортивных фоток), а кто бы не бегал на месте Влада?! Увидят же с Васечкой – засмеют: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Васечка, правда, умнее, чем выглядит, но выглядит, как дурачок. Такой и есть. И вроде ничего дурковатого не устраивал: не ловил рыбу в толчке, не поджигал кухню, а на лице написано: «дурачок». Раз увидишь, сразу поймешь, кто перед тобой. И на фотках – тоже заметно.

Поудалял убогую санаторную столовку, речку – против ветра переплюнешь, да еще и купаться не пускали, говорили рано, вот кончится май... В море, у которого стоит воображаемый спортивный лагерь, купаться небось уже можно. Надо прошлогодние фотки в компьютере найти и в телефон залить. Влад с матерью тогда в Крым ездили.

Из сотни фоток осталось меньше десятка: в спортзале, на стадионе и с Войтековой, хотя Владу казалось, что он там один. На фоне однотонной стены без всяких там стендов и картинок Влад видел себя одного, только не в центре кадра, а чуть правее. Маринку это и выдавало. Влад-то помнил, что они фотографировались вместе. Васечка тогда по своему обыкновению пристал к ней: «Сфотографируй нас с Владом», Войтекова и шелкнула. Даже не смеялась, добрая душа, обычно девчонки не упускали такого случая. Щелкнула, и сует телефон Васечке: «А теперь, – говорит, – и ты нас». Зачем? Говорят, ведьмы могут сделать с тобой что хотят, если у них в руках твоя фотка. Но Маринка и перекачать не просила, как будто хотела не с Владом шелкнуться, а наоборот – ему свою фотку оставить. «Смотри, мол, Владик, любуйся пустым местом и меня вспоминай». Хотя все остальные Маринку на фотке видят, это Влад один такой ненормальный.

...Вот и остановку свою чуть не проехал! Влад выскочил в последний момент, поднырнув под рукой необъятной тетки (она так и стояла у передней двери, закрывая кабину водителя), услышал в спину приятное пожелание, огрызнулся: «Сама такая». Обошел остановку, ступил в темноте в лужу (новые кеды!) и оказался в своем дворе.

В беседке под сиренью сидел один Пашка (что, все вымерли, что ли? А! К экзаменам готовятся!). Его противная овчарка возилась в кустах неподалеку. Если к Пашке подкрасться и гавкнуть, она как пить дать выскочит и сама облает, а то и прихватит за штаны. Ну и ладно! Влад нашарил на земле камушек и запустил Пашке в спину.

– Ой!

– Здравóво. Где все?

– Зубрят. Химичка завтра пробный экзамен грозилась устроить... Меня с собакой выгнали на десять минут. Животом мается. – Он кивнул на овчарку.

– Сожрала что-то?

– Не... Хотя... – Пашка хихикнул. – Цапнула на днях какую-то тетку, а утром и заболела.

– Бешеную?

– Да похоже! Я узнал много новых слов.

– Потом расскажешь. – Влад не любил, когда ругаются. Дай ты по уху, когда душа просит. Если некому – хоть грушу побей. А так сотрясать воздух – зряшное дело. И некрасивое.

Пашка повздыхал, глядя на торчащий из кустов хвост овчарки, и все-таки вспомнил:

– погоди, ты вроде на все лето уезжал?

Влад сделал специально отрепетированное значительное лицо, но Пашка в темноте явно не разглядел и продолжал болтать:

– Ой, а ты-то как же теперь с экзаменами-то? Вроде в лагере сдавать собирался?

– А я уже все сдал. – Это была правда. А что еще делать в санатории, где компьютерный класс – один на триста человек, а в речке еще нельзя купаться?! И учителя там были нормальные, готовые принять экзамен, когда тебе удобно, а не с общим потоком.

– Все?

– Ага. Завтра в школу бумажки занесу. Привет химичке. – Влад сделал вид, что собирается уходить, но тут Пашка небрежно сунул руку в карман и протянул Владу тоненький кусок пластмассы:

– Мать расщедрилась. Хотела на окончание учебного года подарить, да я выпросил пораньше.

Влад повертел в руках тонюсенький телефон: ни у кого в классе такого не было. Щелкнул на пробу овчаркин хвост в кустах. Сумерки сумерками, а качество что надо. Не то что Владькин убогий агрегат, года два назад покупали, и уже тогда он был не новый.

Влад кивнул в знак одобрения и торопливо вернул телефон Пашке, пусть не воображает.

– Ладно, пойду.

– погоди, а чего ты вернулся-то?! Вроде на все лето...

– Да из-за пожара. – Влад старался говорить небрежно, хотя после того пожара до сих пор поджилки тряслись. – Стадион там сожгли, вот и разъехались все. Что в спортивном лагере делать без стадиона?

– Сожгли?! Кто?

– Может, террористы. Все, я пошел, а то мои еще не знают. Сейчас небось эсэмэски мне шлют на украинскую симку: «Как ты, Владик, отдыхаешь-поправляешься?» А тут я в дверь позвоню: сюрприз!

– Террористы? Ух ты!.. – Но это Пашка кричал уже Владу в спину. К утру всем растрезвонит. Ну и хорошо, а то каждому отвечать, почему вернулся, получится, как будто оправдываешься, неизвестно за что.

В светящемся окне возник силуэт бабки. Влад помахал, пусть подготовится, может, и не упадет в обморок, когда увидит его на пороге. Бабка припала к стеклу, заслонившись от света руками: не показалось ли ей? Влад помахал еще. К бабке в окне подошли мать и Лиза, вот и хорошо: при Лизе скандалить не будут. Лиза – подруга матери. Мать настаивает, чтобы Влад ее называл Тетьлиза, а Лиза отмахивается: «Не называй меня тетей». Влад не называл ее никак и был страшно доволен своими дипломатическими способностями.

Он еще поднимался на этаж, а замок уже щелкнул, и на лестницу посыпались разговоры:

– Говорили – к первому сентября.

– Значит, раньше осени дозрел. Или случилось что.

Влад поднял голову, увидел всех и прирос к лестнице. Мать, бабка и Лиза стояли в дверях, вопросительно глядя на него. С перепугу сперва показалось, что они все *такие*... Нет, только Лиза. Она одна странно двоилась в глазах, как будто смотришь стереофильм, а очки не надел. Она была *такая*, Лиза. Как Маринка Войтекова, как математичка в санатории, как... Ведьма? Может быть. Влад еще сам не понял, что он видит. Зато усвоил: от *таких* не жди ничего хорошего.

Уж про Лизу никогда бы не подумал... Она ведь у них в гостях с утра до ночи торчит, от матери не отходит! Вот уж «повезло»! Влад лихорадочно просканировал мать: от дурацких зеленых тапочек до торчащего из прически волоска. Синяков, гипса и тому подобных бонусов, которые дает близкое соседство с ведьмами, не нашел, но разве тут успокоишься!

– Привет, девчонки! – Он даже улыбнулся, чтобы «девчонки» не набросились на него с кулаками сразу, а дали объясниться. – В санатории пожар был, я и смотался. Не хочу все лето на пепелище жить. Переночевать пустите? А то так есть хочется, что у Пашки новый телефон.

– Ты еще старый в туалете не утопил, – пробормотала мать и отступила, чтобы пропустить Влада. В далеком детстве он действительно утопил в школьном туалете свой первый телефон. Ну а кто их просил покупать такой неудобный чехол, без кнопки и «молнии»?! Мать тогда неделю ворчала.

Влад продолжал ее рассматривать: «И не хромает вроде. Что ж за подругу ты себе выбрала, а?»

– погоди, какой пожар? Прямо в корпусе? – Бабка очнулась, и это не предвещало ничего хорошего. – Вы не угорели? Пострадавшие есть? Да я им сейчас устрою!.. – Она побежала к телефону, но мать ловко и незаметно цапнула ее очки со столика и сунула в карман чьей-то куртки на вешалке.

– Где-то у меня был их номер... – Бабка стояла у тумбочки с телефоном и листала толстенную записную книжку. Эта книжка лежала здесь, сколько Влад себя помнил, и с возрастом только набирала вес. Владу казалось, что в ней записаны все телефоны на свете: хочешь врача, хочешь адвоката, да хоть президенту Африки позвоним, если язык знаешь!

Влад уже разулся и шлепал на кухню.

– Домик из частного сектора... Кормить будут? И стадион, – добавил он, чтобы не путаться, что кому соврал. – Все живы, ба.

Все живы. Елена (медсестра) по страшному секрету объяснила потом, что, если бы Влад не перебудил полсанатория и частный сектор заодно, в доме никто бы не выжил. Горят заживо только ведьмы на костре в сказках. А в жизни сначала угарный газ тихо и не больно отправляет спящего на тот свет, а уж потом огонь добирается до мертвого тела. Неспящий выскочит, а спящий не проснется. Это она сказала ему одному без свидетелей, как будто стеснялась своей правды. Или утешала. Ей-то что?

– Очки не могу найти... Ладно, напомни мне завтра, я им устрою... погоди, если частный сектор, ты тут при чем? – Иногда бабкина въедливость просто бесит.

– Я сам все поджег, и меня выгнали. – Влад взял тарелку и нарочито загромыхал кастрюлями.

- Нет, я хочу знать! Мать с бабушкой старались, искали путевку...
- Оставь его, мам. Пожар и пожар, что тебе мало, что ли?
- При чем здесь...
- Да ни при чем! Не хочу отдыхать без стадиона, ясно?
- Еще и грубит...

Мать взяла бабушку за плечи и повела вон из кухни:

- Лизка, покорми его, пока он на себя кастрюлю не вывернул.

Влад быстро наполнил тарелку и сел (мало ли, что теперь ждать от Лизы). Когда мать и бабушка ушли – дотянулся ногой и прихлопнул за ними дверь. Запоздало сообразил, что жест получился двусмысленный: Лиза-то осталась. Теперь подумает, что Влад нарочно вызывает ее на приватную беседу. А она знает, что он знает? *Такие* чувствуют, что их засекли?

Лиза проследила траекторию двери, взяла табуретку и села, подперев дверь спиной.

- Ну мне-то расскажешь, почему ты убежал?

...Не чувствуют. Хорошая идиотка Лиза, *такая* ты там или нет, но ждать от тебя подставы – самому надо быть дураком. Ты даже не понимаешь, что Влад уже не маленький, и такие фокусы, как в третьем классе, уже не пройдут. Тогда еще можно было воспользоваться доверием, узнать правду, и полунамеками, не предавая вслух, донести до матери, что все в порядке, просто у мальчика свои маленькие тайны.

- Говорю же, из-за пожара. Что в том санатории делать, когда стадиона нет?
- В санаториях лечатся...
- От чего? От бабушкиных скандалов?

Не хотелось вспоминать, но мать с бабушкой правда много ссорились последнее время. Может, Влада затем и отправили в санаторий, чтобы он этого не видел? Идея с поездкой была бабушкина, так что очень может быть. Это в ее духе. Чуть что – «Владик, иди погуляй» или спать, если ночь на дворе. А тут экзамены на носу. Да и вообще на все их скандалы не нагуляешься. Вот бабушка и решила его сбегать в этот санаторий.

Лиза вздохнула: типа все поняла. Теперь доложит матери, что он сбежал, потому что боялся, как они тут с бабушкой без него? Не поубивают друг друга? У дураков и взрослых всегда готов ответ на все вопросы, даже если они задают их тебе.

Ну и ладно! Лишь бы отстали и обратно не отправили. Влад специально застучал ложкой, чтобы не слышать, что там Лиза еще скажет, перед тем как уйти. Но Лиза – хорошая, хоть и идиотка. Она только скрипнула дверью.

Влад уже поел в гордом одиночестве, но в комнату не торопился. У них с бабушкой одна на двоих – вот уж повезло. Сидел себе над пустой тарелкой, смотрел в окно.

За кухонной дверью громко перешептывались мать и бабушка. Значит, Лиза уже ушла домой, и мать осталась без громоотвода. А бабушке надо было срочно войти и провести с Владом короткую воспитательную беседу. Что-то вроде: «Сбежал так сбежал, иди спать, завтра в школу».

Ну и что, что не надо в школу? Влад однажды ногу сломал: гонял на улице в футбол да и долбанул ногой по воротам. Так бабушка потом каждое утро спрашивала: не может ли он еще ходить? Ну что там идти до школы-то, четыре остановки? Ключку мою возьмишь, если надо. Она как поезд «Сапсан»: летит с бешеной скоростью и никогда не свернет с рельсов-то. А перед остановкой до-олго тормозит. Небось пол-лета еще будет в школу будить...

Сейчас мать стояла на страже Владыкиной приватности, и радиоспектакль за дверью можно было игнорировать. Вот уйдет она завтра на работу, и будет Влад целый день отбрыкиваться от бабушки сам. Шепот за дверью набирал децибелы. Сейчас бабушка перейдет на визг, и тогда хоть беги. Влад взял со стола забытую поварешку и грохнул об пол, чтобы там за дверью притихли.

- Ты чего посуду бьешь?!

Влад не ответил. Мать снова что-то громко зашептала, и у нее получилось: поезд «Сапсан» ушел в депо, шаркая тапочками. Мать еще постояла под дверью, охраняя Владькин покой, и тоже пошла к себе.

Окно на пятом этаже в доме напротив светилось, как всегда в это время. Под нелепым торшером в кресле с газетой сидел Владькин невидимый друг. На таком расстоянии Влад видел только силуэт человека в кресле, даже не знал, молодой он или старый, мужчина это или женщина. И ни разу не видел, чтобы человек за окном вставал и куда-нибудь шел или, наоборот, приходил и садился в свое кресло. Он был там всегда, когда горел свет. И днем, когда за темными окнами ничего не разглядишь, Владу казалось, что он по-прежнему там в своем кресле под торшером, как на посту. Иногда из-за газеты появлялась рука с телефоном или пультом, иногда переворачивались, как будто сами собой, страницы газеты. Владу нравилось наблюдать за этим чудачком, который никогда не уходит и не приходит. Порой хотелось помахать, чтобы убедиться, что там человек, а не робот, но Влад не решался. И про себя называл этого в кресле «Мой невидимый друг», хотя какой он друг, когда ему и помахать-то стесняешься?!

«Хоть что-то не меняется в жизни». – Мать так говорит, когда Влад в очередной раз приходит с синяками или с двойкой или просто просит новый телефон. Вот именно так он любил своего невидимого друга: «Хоть что-то не меняется в жизни», – Влад сейчас именно это и чувствовал.

Но вообще-то это секрет. Если во дворе или в школе кто узнает, что Влад по вечерам подглядывает в окно за каким-то одноруким креслом, да еще помахать стесняется, ему несдобровать.

– Владик, ты спать собираешься? Завтра в школу! – Поезд «Сапсан» ворвался в кухню, усыпив бдительность матери.

– Ща... – Влад не поленился, вышел в коридор, выкопал из рюкзака дневник и еще кучу бумажек, подтверждающих, что экзамены сданы и будить его завтра в школу не стоит. Проснется – так и быть, занесет документы. А лучше пусть сама занесет, может, хоть директриса ей объяснит, что летом в школу не ходят. – На. Директрисе завтра отдай...

– А ты что, в школу не пойдешь?

– Нет.

– Почему это? – Она вертела в руках дневник с проставленными отметками и не могла связать причину и следствие.

– Потому что я все сдал. Больше мне до сентября в школу не надо.

– Что, совсем не надо?!

Поезд «Сапсан» долго тормозит.

Глава II

В которой пациенты обязуются соблюдать режим, а Влад оказывается в дураках

Медсестры в голубых робах выстроились в шеренгу напротив главного корпуса.

– А шутить-то здесь не любят! – гаркнул Влад на весь автобус. – Сейчас возьмут под белые ручки – и в палаты. Вон и рубашечки приготовили.

Автобус дружно загоготал: у одной медсестры действительно была в руках гора белья неопределенного вида.

– Точно психушка! – выкрикнул кто-то.

Все снова заржали, а парень с переднего сиденья протестующе взвыл:

– Мама сказала: «Санаторий»!

– А папа передумал! – подвыл ему вихрастый Владыкин сосед – Серега.

Все опять захохотали, а этот на переднем сиденье продолжал отжигать:

– Нечестно! Я домой хочу! Не хочу в психушку, отправьте меня домой! – У парня была физиономия полного придурка, Влад ему даже позавидовал: во артистизм у человека!

– Доктор сказал в морг, значит, в морг! – подыграла девчонка с дурацкой сумкой. Девчонка сидела в соседнем ряду, и ее рыжая соседка все время косилась на Влада и хихикала.

– Доктор? – недоверчиво переспросил парень и уставился на шеренгу медсестер за окном.

Елениванна, которая сидела рядом с ним и все это время молча слушала безобразие, наконец проснулась:

– Не волнуйся, Васечка, осенью поедешь домой. А пока в мор... – Автобус опять заржал. – Пока побудешь с ребятами в санатории. И ничего смешного нет! – последнее она сказала явно «ребятам».

Все разом притихли и, наверное, хором подумали: «Васечка-то, похоже, не придуривается». Лысый парень в хвосте автобуса запоздало передразнил:

– Васечка... – Но уже никто не смеялся.

Елена строго взглянула на шутника и стала отчитывать девчонку с дурацкой сумкой:

– А ты, Войтекова, думай, что говоришь.

– Да! В морг только по пятницам, выдача трупов с трех до четырех, – не унимался Лысый. Похоже, он единственный, кто ничего не понял. Так и запишем: дурак впереди, придурок сзади. Влад высунулся в проход, чтобы рассмотреть того и другого, но тут автобус круто свернул и затормозил.

По коленкам больно ударила Серегина сумка, песчинки на полу впились в ладони. Влад автоматически перекувырнулся и пришел аккурат на колени Рыжей. Той самой, что косилась на него и хихикала.

Дурацкое положение надо было спасать. Первый день в санатории, да так вляпаться! Влад нарочито пригладил волосы, поправил несуществующий галстук, откашлялся:

– Мадам, не подбросите до угла?

– Да легко! – Рыжая и правда легко взяла его за ремень и за ногу и рыбкой выкинула в проход: – Лети, космонавт!

Автобус заржал. Влад отряхнулся, наигранно поблагодарил, не выходя из образа вежливого придурка.

– Космонавт, – повторил Васечка, глядя на Влада влюбленными глазами.

Но тут двери открылись, Влад выскочил из автобуса прямо к медсестрам и подумал, что так рождаются прозвища. Елена чинно вышла за ним, держа за руку Васечку, развернула обоих лицом к медсестрам и велела строиться.

– А как ты упал! Космонавт! – повторил Васечка, не сводя с Влада обожающих глаз.

Надо же так влипнуть! Влад хотел шагнуть в сторону, но Елена крепко держала его за плечо. Другой рукой она держала за плечо Васечку, со стороны, наверное, та еще картина. Из автобуса выгружались ребята. Они это видели, обсуждали и хихикали. Вот ведь... Влад вытянулся по стойке «смирно», дождался, пока выйдут все и построятся (Елена построит!), шагнул к медсестре строевым шагом и отчеканил:

– Товарищ главврач дурдома «Солнышко»! Отряд по вашему приказанию прибыл!

Медсестра сделала такие глаза, как будто за ее спиной уже давно прятался кто-то со шприцем и только сейчас решился сделать укол. Отряд одобрительно загоготал. Бейджики медсестер с названием санатория (и правда, «Солнышко») синхронно колыхнулись, кто-то из персонала проворчал:

– Каждую смену одно и то же! Когда уже поменяют это название!

– Не нужно ничего менять, Марина Ивановна. – Елена еще сильнее вцепилась во Влада кино плечо. – Я предлагаю назначать таких смельчаков старостами. Возражения есть?

Ребята притихли.

– Вот и славно, будешь старостой, Влад, раз ты такой смелый. А ты, – она подтолкнула сияющего Васечку, – будешь его помощником.

– Я?! – Васечка улыбнулся и посмотрел на Влада, как щенок на палочку. Сзади захихикали.

– Марина Ивановна, проводите всех по комнатам, а вы двое идите со мной.

Вот это влип! Влад брел за Еленой, нарочно наступая на газон, все равно она не видит. Васечка (Елена все еще вела его за плечо) то и дело оглядывался, чтобы одарить Влада придурковатой своей улыбкой и одними губами прошептать: «Космонавт». «Не съест же он меня!» – уговаривал себя Влад, прекрасно понимая, что лучше бы съел.

За спиной еще был слышен гомон ребят, Влад так и не успел ни с кем толком познакомиться, с Серым только, да Лысого запомнил, и девчонок еще... А его, похоже, теперь запомнили все. Староста! Мама, забери меня отсюда.

Елена подвела их к подъезду с пафосными стеклянными дверями, да и свернула к двери, маленькой железной, с надписью карандашом «Служебное помещение». Надпись, похоже, обновлялась не каждый год, а вот дополнялась каждый день. «Здесь халявный Интернет», – накалякал кто-то ручкой. «Но компьютер не работает», – уточнили маркером. «А еще у нас полно кофе, но чайник сломался. Одолжите чайник». «Фиг вам! Пусть Елена сперва вернет мой ноут. А то ишь, халявный Интернет». «Нечего было играть по ночам на полной громкости!» Всю переписку Влад дочитать не успел: Елена повела их по лестнице в подвал.

По коридору сновали медсестры с тележками, полными белья и котлов, под ногами вертелись коты разных мастей и размеров. Страшный тигровый котяра с одним ухом кинулся Владу под ноги и побежал за ним, требовательно мякая басом, как будто только его и ждал. Влад сперва игнорировал, потом отпихивался, но кот был напорист: он вцепился зубами в капюшон Владельной куртки, повязанной вокруг пояса, да так и бежал за ним, как собачонка.

– Животных в палаты не берите, нельзя, – заметила Елена. – Здесь вообще-то им тоже не место, но либо коты, либо крысы.

Влад не ответил, потому что не понял, к кому она обращается: к нему или к Васечке. Котяра, вцепившийся в куртку, не отставал, но Елена шла впереди и его не видела.

В подвале, как в игре-бродилке, за каждым поворотом пряталось какое-нибудь чудовище. Одноглазые и одноухие коты (похоже, и правда воюют за территорию с крысами), допотопный диван такого вида, будто его специально пытались уничтожить и огнем, и водой, и лобзиком, но ничего не помогло, хотя следы остались. Один раз на них выскочила санитарка со шваброй и завопила:

– Бахилы наденьте!

Васечка даже испугался, и Елене пришлось его успокаивать:

– Она добрая, просто других слов не знает. Это она так поздоровалась. Да, Марьсере-евна?

Марьсерегеевна зарылась носом в химические кудри, как баба-яга, и пробубнила:

– Ходят, топчут, бахилы надевайте!

Влад захихикал, а котяра, про которого он уже успел забыть, вспрыгнул ему на плечи и зашипел. Елена испуганно обернулась.

– Похоже, они в контрах, – улынулся Влад. – Не любят коты надевать бахилы. Что, правда надо? Здесь?!

– Где ты взял, выбрось! – Елена уставилась на кота, но того занимала только санитарка. Вцепившись когтями в плечи, он шипел так, будто сейчас оттолкнется всеми четырьмя, и не будет больше никто надевать бахилы. Они уже разминулись, а кот все шипел, повернувшись мордой назад, глядя вслед санитарке. Она торопливо уходила по серому коридору и, сама в грязно-серой робе, сливалась со стенами. Только красная палка от швабры торчала над ее головой, как пустой флагшток. Палка странно двоилась перед глазами, ну и освещение в этом подвале!

– Ведьма, – задумчиво отметил Васечка, глядя санитарке вслед.

Кот наконец успокоился, слез да и слился с подвальной грязью, как будто и не было его.

– Ушел, – выдохнула Елена, провожая взглядом кота. – Вы тут осторожнее, они дикие. Только поваров признают, а на остальных могут и наброситься. Пришли. – Она свернула в очередной коридорчик, и стены сразу стали прилично белыми, а грязный подвальный пол – ковролином. Даже окошечко маленькое было под потолком.

Стол, диван, шкаф с бумагами. На столе компьютер (видимо, тот, сломанный) и маленький ноут (видимо, тот, конфискованный).

Влад уселся, не дожидаясь приглашения, и Васечка рядом с ним. Елена села за стол напротив ребят, сложив руки, как примерная ученица.

– Значит, слушай. Если ты теперь староста, твоя задача следить за дисциплиной в корпусе. Будешь назначать дежурных, проверять порядок в комнатах, и чтобы никто не убежал за территорию, а то есть у нас любители...

– Я?!

– Ты же самый главный выскочка. Вот и отработывай свою неостроумную шутку.

– Одну – все лето?

– Через месяц, может, найдется кто другой, – сказала она так, что дураку понятно: тот другой должен крепко накосячить, чтобы его выбрали старостой.

– А если он найдется раньше?

– Хитрый какой! Нет, только через месяц. Если с кем-то будут какие-то проблемы, спрошу с тебя. И вот возьми. – Она протянула Владу пачку листовок. – Раздайшь всем.

Листовки были поросячьего розового цвета, много, пачка с палец толщиной. «Правила поведения в санатории», – прочел Влад и поспешно сунул пачку Васечке:

– Ты же мой помощник? Вот и раздай!

Еще не хватало самому такое распространять. Что он, придурок, что ли?

– Вопросы есть?

– Да. Можно я не буду старостой?

– Нет. Ваша группа на втором этаже. Сами дойдете?

Влад оскорбился, хотя видно было, что Елена и правда беспокоится, выйдут ли ребята без нее из подвала.

– Так я и думал. Идем. – Он кивнул Васечке и шагнул на грязный бетонный пол.

Обратно шли быстро: в подвале было, конечно, интересно, но жутковато, да и компания неподходящая. Васечка не затыкался и норовил взять за руку:

- Ты меня выведешь, космонавт? Я бы один заблудился.
- Не заблудимся. А если что, тут мы всегда найдем, у кого спросить дорогу.
- Только не у той ведьмы.
- Мне она тоже не понравилась.
- Интересно, где она?
- Что, боишься, что сейчас выскочит?

Васечка то ли оскорбился, то ли так замолчал. Влад шел по ориентирам: диван, лежбище страшных котов, лужа... Персонал с тележками сновал туда-сюда, как таджики на вокзале.

– Подвез бы, что ли, кто...

– Как?

– Забудь. Вон, кажется, выход. – Влад толкнул дверь, и за ней правда оказался выход на улицу, но, кажется, не тот.

Вместо газонов и асфальтовой дорожки ребята увидели пустырь, где-то вытоптанный, где-то перекопанный. Если пустить в ход воображение и принять, что вон те огрызки колышков могут быть футбольными воротами... Вокруг футбольного поля уныло нарезал круги одинокий бегун. Поодаль на брусках висела девчонка уже без дурацкой сумки. Она так вертелась, ловко перехватывая перекладину, что в глазах рябило и двоилось. Выглядело круто. Спортсменка, значит. Ее рыжая подруга сидела на соседней перекладине. Впереди за этим импровизированным стадионом торчали посеревшие крыши домиков. На заборе, который отделял великолепие от частного сектора, болтали ногами мальчишки, явно местные.

– Где мы? – Васечка опасливо покосился на красные трусы бегуна.

– Просто вышли с другой стороны. Сейчас обойдем корпус и найдем своих. Листовки не потерял?

Васечка гордо показал пачку розовых бумажек. Лучше бы потерял! Влад хотел подбить его дать листовку бегуну, но решил, что сперва надо вернуться к своим, а уж потом развлекаться.

Бегун поравнялся с ребятами и помахал. Влад не узнал его, а Васечка отчаянно замахал в ответ и сам побежал к этим красным трусам со своими листовками. Все-таки дурацкие мысли перемещаются в ноосфере с бешеной скоростью.

Пока Васечка догонял бегуна, тот поравнялся с брусками, на которых вертелась девчонка, да и пнул их ногой как следует. Девчонка разжала пальцы, перекувыркнулась в воздухе и неудачно приземлилась на бок. Рыжая спрыгнула сама, что-то крикнула красным трусам и побежала к подруге. Бегун встал, где стоял, обернулся, но не решился подойти. Похоже, он не ждал такого эффекта. Местные на заборе загоготали и даже зааплодировали. Рыжая поднимала подругу, ругаясь на «трусы», Васечка, наконец, подбежал и стал совать всем свои листовки.

Со стороны смотрелось чудно, как будто Васечка инспектор ДПС и штрафует всех за неправильную парковку – вон как бодро раздает квитанции. Или сумасшедший рекламщик в торговом центре. Закончив, он погрозил всем пальцем и побежал догонять Влада. Компания на стадионе дружно расхохоталась ему вслед, даже упавшая девчонка. Влад почувствовал, что краснеет, и быстро потащил Васечку прочь.

Они обошли корпус, отыскивали главный вход, и тут-то Влада ждал сюрприз. Медсестра в голубой робе смерила вошедших взглядом и завопила куда-то в коридор:

– Пришли!

– Нас Елена-ванна задержала, – стал оправдываться Васечка, но медсестра только отмахнулась:

– Пойдемте. Последняя комната свободная осталась, как раз на двоих.

С досады Влад чуть не плюнул ей в спину. Правильно! Пока он болтался по подвалу и отбрыкивался от Елены, все давно перезнакомились и поселились в комнатах по двое, предо-

ставив Владу соседствовать с Васечкой. Вряд ли в группе найдется второй дурак, чтобы уговорить его поменяться местами.

Они шли по веселенькому желтому коридору, утыканному большими цветочными горшками, сталкивались с ребятами, знакомыми в лицо, но не по имени. Влад ловил на себе любопытно-насмешливые взгляды и понимал, что время упущено. В этот драгоценный первый час, впустую потраченный в подвале (автобус не в счет), сложились компании, клубы по интересам, нашлись друзья и враги. И Влад, неосторожно прикоснувшись к Васечке, сам занял место штатного дурачка и вечного изгоя. Конечно, еще не совсем поздно...

– Располагайтесь. – Медсестра приоткрыла дверь. – Не вздумайте мусорить, убирать будете сами. И вообще убирать будете сами. Ужин через час. Ты староста? Зайдешь ко мне потом, у меня есть несколько поручений.

Она вышла прежде, чем Влад успел возразить, а Васечка – похвастаться статусом помощника, и закрыла за собой дверь. Комнатка чуть больше кухни. Две кровати, две тумбочки, два чемодана Влада и Васечкин, они занимали почти весь проход.

– Не разбежишься.

– Тесно, – согласился Васечка.

– Ладно, распаковывайся, раздавай листовки, я пошел с народом знакомиться. – Влад быстро вышел, закрыл дверь и побежал по коридору, как будто за ним гнались.

Куда бежать, сразу стало ясно: дверь в конце коридора была приоткрыта, и оттуда раздавался такой многоголосый хохот, что не глядя можно было удивиться: как столько народу влезло в одну комнату? Влад заглянул: на кроватях, на подоконнике, в проходе и даже в дверях стояли и сидели ребята – вся группа, точно.

На кровати в самом уголке расположился толстый парень с невымытыми волосами, он рассказывал анекдоты. Влада никто не заметил. Он опустил на корточки в дверях и сделал вид, что уже давно тут сидит вместе со всеми.

Анекдоты были древние и давно не смешные. Влад слушал и только возмущался про себя: ну баян же, чего все смеются?! Неужели из двадцати человек никто не слышал про лошадь в баре, про колобка и зайца, да и детские они какие-то, может, просто забыли все? А они смеялись, девчонки просили: «Дима, расскажи еще». Жирный Дима заливался румянцем и рассказывал очередной баян. Они что все, с необитаемого острова?

Влад исподтишка поглядывал на Диму и компанию, но перетягивать внимание на себя не спешил. Надо приглядеться, может, они и правда все дикари и старых анекдотов не слышали, а может, смеются из вежливости, но не двадцать же человек сразу? Где, кстати, этот лысый придурок, который дразнил в автобусе Васечку? Он бы не стал слушать, сразу бы крикнул: «Баян!» Лысый обнаружился в проходе, аккуратно в ногах у Жирного Димы. Влад совсем загрустил: если уж этот здесь...

– А я тебя потерял, – сказали в самое ухо. Серый! Влад поднял голову и сразу перестал чувствовать себя одиноким на этом острове дикарей.

– Елена привязалась с поручениями, не смог отбрехаться. – Он старался говорить равнодушно. – Ну да я Васечке перепоручил всю тряхомундию. Ему в кайф.

На Влада шикнула рыжая девчонка (откуда она здесь? Только что была на улице). Серый ее увидел и вспомнил:

– А Маринка с брусьев свалилась. Похоже, руку сломала.

– Он видел, – громко перебила Рыжая. – Дайте послушать спокойно.

Серый вопросительно уставился на Влада типа: «Расскажи». Пришлось шипеть:

– Ее парень толкнул, похоже, кто-то из старших.

– Не кто-то, а Левкоев из второй группы, – влезла Рыжая. – Может теперь чемоданы паковать, Маринка ему не спустит, так и передай.

– Я-то при чем?

– А то вы не знакомы? Видела я, как он тебе махал.

– Да он не мне, он Васечке...

Рыжая хихикнула, и Санек тоже.

– Ну вот ему и передай, дружку своему...

– Да какой он мне дружок!

Они говорили уже вслух, и все всё слышали. Жирный Дима перестал рассказывать очередную анекдот и с живым любопытством спросил:

– А Васечка этот, правда, того? Или придушивается?

Все уставились на Влада. Перетянул внимание, называется.

– Я еще сам толком не понял. Но в любом случае он умнее, чем выглядит. – Ему казалось, прозвучало солидно. А Лысый в ногах у Жирного Димы все испортил:

– Так ты поэтому с ним в одной комнате?

Все заржали, даже Серый. Влад сдержанно улыбнулся:

– Других не осталось. – Получилось жалко, будто он оправдывается. В этот момент Влад ненавидел придурка Лысого, Жирного Диму, Рыжую, Елену и вообще весь санаторий. Лысого придется отлупить. После и под другим предлогом, но обязательно, а то начнет смеяться, а за ним и остальные подхватят. Вот и нажил себе врага. – Вы лучше потише, а то он сейчас придет сюда листовки раздавать. С правилами поведения в санатории.

– О да! – Рыжая разулыбалась, достала розовую листовку и стала читать вслух:

«Пациенты санатория «Солнышко» обязаны...»

Все слышали, пациенты?!

Пациенты дружно загоготали, вспомнив автобусную шутку про дурдом.

– *«Бережно относиться к имуществу санатория (Дима, встань с кровати, раздавишь). Соблюдать режим»* (ходить в туалет строем и по команде)...

– Тихо все, Елена идет!

Елена сунулась в комнату, чуть не споткнувшись о Влада и Серегу, и радостно спросила:

– Ребята, чайник никто не одолжит?

Влад заржал в голос и совершенно один. Не сообразил сразу, что никто, кроме него, не видел переписку на служебной двери. Елена покраснела и быстренько поставила его на место:

– Что ж ты Васечку бросил? Он тебя обыскался.

«Относиться с уважением к персоналу санатория», – прочел Влад через плечо Рыжей и про себя уточнил: «Не убивать Елену в первый же день».

Глава III

В которой Войтекова мстит, а Жирный Дима получает по шее

Ночью договорились убежать в частный сектор на дискотеку. От местных в клубе можно было и схлопотать, если тебя никто не знает, но Жирный Дима уже успел познакомиться с парнем из поселка, и тот обещал провести.

После ужина Влад развил бурную деятельность старательного общественника: нашел компьютерный класс, записал своих в очередь на завтра, велел Васечке назначить дежурных по палатам, выполнил кучу мелких поручений от медсестер и, когда уже начало темнеть, пошел по корпусу изучать входы и выходы.

На три несчастных этажа лестниц понастроили, наверное, сто километров. Влад заглянул наверх к старшим, сунулся во все комнаты на своем втором, выяснил, что на первом живет весь персонал, и это было паршиво, потому что выходов оказалось всего два: один – напротив сестринской, другой – еще хуже, у комнаты санитарок.

Первую дверь на волю заперла Елена прямо при нем, да еще сказала: «Хватит по лестнице болтаться, скоро отбой». Со второй было интереснее. Влад вышел в коридор, толкнул железную дверь на улицу и увидел на пороге санитарку. Ту самую, из подвала.

Вблизи и в сумерках она выглядела не так страшно. Влад даже поздоровался. Несколько секунд санитарка разглядывала его, потом включилась и приветливо спросила:

– Бахилы надел?

– Да, – соврал Влад, пряча ноги за приоткрытой дверью. Санитарка поняла это как приглашающий жест и прошла в коридор прямо сквозь Влада. Он стоял в дверях, перекрыв собой вход, и даже не почувствовал, чтобы его хотя бы задели.

Не успел он толком удивиться, как санитарка взяла ведро и, будто герой компьютерной игры, достала из кармана пластиковую бутылку с чем-то бордовым. С серьезно-злой миной, с какой обычно работают санитарки и уборщицы, она вылила бутылку в ведро, окунула туда швабру и принялась надраивать пол.

Ноздри тут же забил странно знакомый запах, как будто нос разбили, но почему-то не больно. Неужели кровь? Да ну, глупости! И голова закружилась, задвоилось в глазах, причем как-то странно: диван, лестница, пальма в кадке – были по одному, а вот санитарки – две.

– Интересная у вас химия...

– Бахилы надевай! А то сам химией станешь!

Ого! Неужели и правда кровь? Елена сказала: она хорошая, просто других слов не знает, кроме: «Бахилы надень». Ну другие слова, предположим, Влад уже слышал. А вот Елена, похоже, не в курсе, кто с ней работает. Он подошел и заглянул в ведро. В нос ударил соленый запах и затошнило. Где она ее берет? Не убивает же в самом деле пациентов? Может, все-таки химия такая?

То, что у санитарки не все дома, он уже понял, но не настолько же! А если настолько, то как же ее здесь держат? Влад прошел по стеночке в коридор, сел на диван, поджав ноги.

– Нет, правда, чем это вы пол моете?

– А тебе что за интерес? Бахилы надень! – Кто бы сомневался! Санитарка радостно натирала пол, он блестел под белыми лампами, в нем отражались цветы и санитаркина нелепая прическа.

– Я так, прогуляться вышел. Познакомиться с обстановкой, так сказать...

– Ходят и топчут... Надевай бахилы!

– Обязательно. А во двор можно?

– Проваливай. Обратно пойдешь – надевай бахилы.

– А дверь на ночь разве не запирается?

– Да на! – Она швырнула Владу тяжеленькую связку ключей. – Проваливай! А то ходят, топчут.

Влад устоял на связку, не веря своей удаче, надо же: и от сумасшедшей санитарки польза есть! Но тут у лестницы гроыхнуло.

– Ты чего тут сидишь?! – Жирный Дима встал на ноги и тут же рухнул опять: кровь на полу – все-таки скользкая штука. – Тебя Елена обыскалась, уже отбой был. Хочешь всех спалить? Договорились же: в полпервого, не раньше....

Влад приложил палец к губам и покосился на санитарку: мало ли что у нее на уме, но Жирный Дима ее как будто не видел. Он встал на ноги и враскоряку побрел к Владу, причитая:

– Нас будут ждать, я не хочу подвести парня. Идем скорее!

Санитарка молча надраивала пол. Влад вскочил, на цыпочках подбежал к Жирному Диме и потащил его вверх по лестнице, нашептывая:

– Чего орешь? Не видишь, что ли?

– Что? – не понял Дима. – Да нет уже никого, расслабься. Персонал у другого выхода. О, да ты ключи достал!..

– А это? – Влад показал на санитарку. – Прикинь, она моет пол кровью! Или чем-то похожим. И ключи мне дала. Совсем с головой не дружит.

– Кто?

– Да вот же, эта!

Дима глянул на санитарку, как на пустое место, и выдал:

– Ушла уже, наверное. Погоди, ты что сказал? Разыгрываешь меня, да? Про Кентервильское привидение начитался?

– Да нет же!..

– Брось. Скажи честно: стащил ключи, а про санитарку выдумал.

Санитарка между тем взяла свое ведро и, ворча про бахилы, правда ушла. Сквозь закрытую дверь. Влад потряс головой и спросил Жирного Диму:

– Ты совсем ее не видел?

– Днем-то, может, и встречал. Как она выглядит?

Влад молча отмахнулся и пошел дальше по лестнице. Надо быстро повиниться перед Еленой и сделать вид, что он ложится спать. Ключи он сунул в карман, и тот теперь неудобно топорщился, как будто Влад мятой бумаги напихал.

Он такой придурок, этот Жирный Дима, что в нем все нашли? В компании выставляется, пытается перетянуть внимание на себя, травя бородатые анекдоты, тоже мне, клоун – любимец публики. Но не злой! Влада с его помощничком сто раз мог подколоть и высмеять так, что за все лето не реабилитируешься, а не стал. Влад за это даже был ему благодарен, хотя все равно этот Дима – придурок. И голову не моет: его прической можно дверные петли смазывать, чтобы не скрипели. И когда идет, не замечает ничего на пути, натывается на все подряд. Влад почти не удивился, что Жирный Дима не заметил чудо-санитарку. Ребятам бы рассказать, да не поверят!

Елена встретила их в коридоре, молча показала кулак и кивнула на двери комнат: мол, спать пора, а вы все где-то ходите. Радуюсь, что хоть оправдываться не надо, Влад подмигнул Жирному Диме и шмыгнул в их с Васечкой комнату.

Свет не горел. На Васечкиной койке зашевелилось одеяло и село на кровати улыбочивым сугробом:

– Пришел...

– Ходил санаторий осматривать и заблудился. Спи!

Сугроб-Васечка послушно лег, но не замолчал:

– Домой хочешь?

– Угу, – не стал отпираться Влад. – Здесь все какие-то чокнутые. Санитарку сейчас видел, представляешь, так она полы кровью намывала.

Васечка помолчал, может, на чокнутого обиделся? А Влада так и распирало от впечатлений, да и кто ему поверит здесь, кроме Васечки?

– Прямо бутылку в ведро вылила и намывала. Представляешь?

Васечка молчал. Влад шагнул к нему и увидел, что сосед крепко спит. Рассказец о чудо-санитарке подействовал на него, как вечерняя сказка на малышей.

Даже обидно стало. Влад разобрал постель, залез одетый под одеяло и стал смотреть в окно.

Скупой огрызок луны кое-как освещал крыши домиков частного сектора. На крышах поблескивали белые бока то ли местных котов, то ли голубей или, может быть, куриц. Пока Влад раздумывал, может ли курица забраться на крышу и чем же таким надраивала полы чудо-санитарка, подошло время Ч. За спиной скрипнула дверь...

– Кто здесь?!

– Тише ты! – зашипела Рыжая. – Дружка своего разбудишь, не отвяжешься потом.

– Это ты...

Рыжая пожала плечами, мол: «А кого ты ждал?» – и кивнула на дверь:

– Дима велел собираться вниз. Северный выход, где санитаркина каморка, знаешь?

Еще бы не знать, когда Влад был там час назад! Он даже оскорбился:

– Дима велел? Ты, значит, у него на посылках?

Рыжая молча дернула плечом и вышла. Влад затолкал под одеяло так и не разобранный чемодан и выскочил следом. Они ведь и ждать не станут, Жирный Дима такой... Влад осторожно прикрыл дверь, на цыпочках сбежал вниз по лестнице. У выхода уже стояли Жирный Дима, Серега и Рыжая.

– А мы тебя ждем!

Правильно: ключи-то у него! Влад достал связку и демонстративно стал перебирать ключ за ключом, пусть поймут, что без него никуда!

– Дай я! – Жирный Дима отобрал связку, моментально нашел нужный ключ, вставил-повернул: – Свобода! Что бы вы без меня делали!

Влад выскочил первым. Хотелось сказать этому Диме пару ласковых, но было почему-то неловко. Он выбежал прямо в свет фонаря, злорадно подумал, что из окна их точно спалит Елена и что не очень-то ему хочется на ту дискотеку, это он так, чтобы от народа не отрываться. И что за побег выгонят всех, в том числе Жирного Диму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.